

Василевская Татьяна

# Хуже и быть не может 2

Призраки прошлого. Макамб



18+

Татьяна Василевская  
**Хуже и быть не может 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Василевская Т. М.**

Хуже и быть не может 2 / Т. М. Василевская — «ЛитРес:  
Самиздат», 2018

С момента странного, фантастического приключения прошло два года. Никто из участников не жаждет вспоминать не самый приятный момент своей жизни. Но прошлое неожиданно-негаданно само напоминает о себе. Иронично-мистический детектив. Уже знакомые герои, а также новые лица.

© Василевская Т. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

## Содержание

Колдун	5
Глава 1. Интересный случай	5
Глава 2. Все тайное	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

## Колдун

### Глава 1. Интересный случай

Бросив скучающий взгляд на мониторы, Валера отхлебнул кофе из большой керамической кружки. Тоска. Наблюдать за психами, занятие совсем не интересное, нудное и однообразное, до ужаса. Первые дни, еще было туда-сюда. Все, вроде, в новинку. Даже, иногда, смешило, как эти чокнутые, ходят, как лунатики. Смотрят безумными, ничего не соображающими глазами. Иногда и учудят чего-нибудь. То разденется кто-то догола, и потом бегаёт от санитаров, трясая своими причиндалами. То потасовку в столовой затеет какой-нибудь шиз. Глаза вытаращит, орет, кидается едой, посудой, а когда ловить начнут, забьется под стол или опять же бегаёт кругами, на стену пытается запрыгнуть. Санитары, конечно, быстро такого нарушителя дисциплины скрутят. Навешают, как следует, для профилактики. Успокоительный укол, смирительная рубашка, и в палату. Они, санитары, ребята крепкие, суровые. С ними особо не пошутить. Каждый, как медведь гризли. Метра под два, лица как у боксеров тяжеловесов, а ручки, как гири. Такой прибьёт, как муху, и не заметит. Тут другим и нельзя работать. Все же психлечебница для особо-опасных сдвинутых. Для всяких убийц и маньяков, которых суд признал невменяемыми и, вместо зоны, сюда направил, лечить свои съехавшие мозги. Валера вздохнул. Полтора года в этом заведении, сделали службу охранником, для него ненавистной. Вроде и делать особо ничего не надо. Сиди себе и смотри на экран. Наблюдай, все ли в порядке в царстве тронутых. А чего может быть не в порядке? Все время одно и то же, изо дня в день. Утром вывели их из палат, кого на процедуры, кого, так, на утреннюю «прогулку» по коридорам до спортзала. Зарядка, если можно так назвать невразумительное махание руками и ногами, кто во что горазд, в течение десяти минут. Потом завтрак в столовой. «Отличившихся» кормят в палате. А тех героев, кто, к примеру, впал в буйство, вместо завтрака накачают новой порцией препаратов, и они лежат себе, спокойненько, как овощи на грядке, не думая больше ни о каких подвигах, да и вообще ни о чем. Потом, тех кто не буйный и не агрессивный, ведут в «комнату отдыха». Кто рисует, кто какую-то хрень строит из конструктора, кто просто сидит, тупо глядя в одну точку, или сам с собой разговаривает. Дебилы, одно слово. Некоторые кучу народа замочили, а теперь, вон, на диванчике сидят, и домики из пластмассовых деталек собирают. Прямо, тишь, гладь, да божья благодать.

А потом еще доктор вызывает к себе, то одного, то другого. Беседы беседует. А о чем с ними говорить, если они не в себе? Ведь, невменяемые, абсолютно. Кого ни возьми. Вон сидит, смотрит в окошко, через решетку, вроде, с виду, нормальный парень. А как с ним кто заговаривает, он смотрит голубыми наивными глазками и с такой улыбкой милой говорит: «Раз, два, три, четыре, пять, иду искать. Ты плохо спрятался! Вижу, вижу!» – и потом облизывается, и зубы скалит, как дикий зверь, может еще рычать начать, одно слово, псих. Серега из предыдущей смены, рассказал, как-то, что этот голубоглазый любитель прятков, пятерых замочил, прежде чем его повязали. Они ему одноклассника напоминали, который над ним в школе издевался. Интересно, а сам одноклассник живой, или он его тоже, того? Нужно будет поинтересоваться у Сереги при случае. Не то, чтоб очень интересно, но все же. А вон, еще кадр. Сидит, ухмыляется. Целыми днями ухмыляется. Убивал девушек по вызову. Сын очень богатой тетки, у которой целая сеть магазинов, ресторанов и еще бог знает чего. Сынуля пристрастился к наркоте, денег-то мамаша ему не меряно давала на карманные расходы. А у него, видать, всегда с головой не в порядке было. Вот этот наркоман и начал представительниц древнейшей профессии мочить. Как этот, как его, Джек Потрошитель. Только сыну богатой мамы нравилось их сначала помучить, как следует, понаблюдать за страданиями. Ублюдок! А потом, когда

крыша совсем поехала, у него видения начались. Голоса всякие, которые ему, якобы приказы отдавали. Тогда, он решил и мамашку свою замочить. Тут уж она и решила свою кровиночку свою ненормальную сдать в руки закона. Теперь, вон, оборудование всякое, новейшее, дорожущее в лечебницу поставляет. Беспокоится за сыночка. Хоть и зверюга, и псих, а родная кровь, сынок. Валера отвернулся от экрана, глаза бы его всех этих придурков не видели. Мимо поста охраны, быстрым шагом, прошел доктор, который беседы беседует с психами-маньяками, пытается до их мозгов завернувшихся достучаться. Валера был уверен, что доктор и сам немного того. Со сдвигом. Ну, так не мудрено, с такими пациентами, однозначно, сам психом станешь. Целый день эти бредни слушать и искать в них какой-то смысл и ответы на вопросы.

– Здравствуйте, Семен Андреевич! – поприветствовали Валера и его напарник Леха, спешащего на работу психиатра.

– Здравствуйте! – на ходу бросил доктор и скрылся за углом больничного коридора.

– Сколько раз, говорил ему, что он должен расписываться в журнале, когда приходит, а ему хоть бы хрен, – ухмыльнулся Леха, – я уж рукой махнул, на этого малахольного. Такой же сдвинутый, как и его подопечные. Надеюсь, в свободное время, людей не кромсает на куски, как они.

Леха заржал над собственной шуткой, живо представив интеллигентного Семена Андреевича, бродящего по улицам с тесаком, в поисках очередной жертвы. Валера взглянул на часы, висевшие на стене, прямо над мониторами. Всего час двадцать с начала смены прошло. То есть, еще почти семь часов до момента, когда можно будет покинуть этот, в прямом смысле слова, дурдом. Господи, скуотища-то какая! За полтора года ни одного мало-мальски интересного случая или происшествия. Нет, на такой работе, рехнуться можно, от однообразия. Может, подать рапорт и куда-нибудь в торговый центр податься в охранники или, в полицию пойти. Можно даже подучиться. Что угодно, только не смотреть по нескольку раз в неделю на лица дебилов, повернутых на убийствах, истязаниях и другой подобной страшной мерзости. Да и сама атмосфера медучреждения, прямо скажем тягостная, давит на психику. Не совсем уж как в фильмах ужасов про психушки, но все же. Прыгать от радости, заступая на очередную смену, точно не тянет.

Ход мыслей охранника нарушило появление в коридоре лечебницы весьма аппетитной особы женского пола. Повариха Нина, дама, что называется, с формами, одетая в белоснежный халат и белую накрахмаленную косынку, плыла в свете, ярко освещавших помещения дурдома, ламп дневного света, как большой белый корабль, ведомый вперед опытным, знающим свое дело капитаном. Пышные бедра, тесно обтянутые халатом, плавно покачивались при каждом ее шаге. Бюст колоссальных размеров призывно колыхался, пробуждая в головах скучающих охранников нескромные, весьма откровенные и волнительные мысли. Нина, неизменно, привлекала взоры всех сотрудников медучреждения. Действуя, как магнит, манящий своими прелестями взгляды мужчин, не способных противостоять соблазну, хоть мельком взглянуть на все великолепие, которым природа щедро одарила миловидную, вечно хохочущую толстушку. Да плюс к тому, остальные, немногочисленные женщины сотрудницы лечебницы, являли собой особ малопривлекательных и уж никак не жизнерадостных. Как же тут устоять, когда в не уютной, унылой обстановке, напоминающей, даже не больницу, а скорее, тюрьму, мимо тебя, вдруг, проплывает такой лакомый кусочек?

–Привет, Нинок! – Крикнули Валера и Леха, непроизвольно поворачивая головы в сторону проплывающей мимо красоты. Повариха победно задрала подбородок повыше и на пару секунд задержалась рядом со стеклянной перегородкой, за которой сидели охранники.

–Привет, привет! Ну, что, орлы, все сидите, задницы протираете? Уж, небось, мозоли натерли на своих пятых точках-то, от усердия? – хмыкнула Нина. – Не надоело? Смотрю на вас, каждый раз и прямо сердце болит. Здоровые лбы, а черт знает, чем занимаетесь. – Пренебрежительно сказала повариха, вытряхивая из длинной пачки тонкую дамскую сигарету. – Ну,

я пошла. А вы сидите, сидите. Смотрите, еще геморрой заработаете, вдобавок, к мозолям. – Закатившись звонким смехом, Нина поплыла в сторону входной двери.

Валера слегка привстал с места и вывернул голову вбок, провожая фигуристую повариху плотоядным взглядом. Так бы и съел ее, прямо. Уж такая эта Нинка вся аппетитная, ух!

– Смотри, шею не сверни! – крикнула аппетитная Нинка, от самой двери. Ей даже не требовалось поворачиваться в сторону охранника, что бы убедиться, что он на нее «пялится». Все они были одинаковые. Все мужики примитивные, озабоченные существа. Почти все думают только об одном, за редким исключением. Таким редким исключением был доктор. Степан Андреевич. При воспоминании о докторе, сердце Нины, каждый раз, сладостно замирало и сжималось в пышной груди в малюсенький пульсирующий комочек. «Божечки, какой мужчина! Интеллигент! Воспитанный, умный. Не то, что эти, кобели, тьфу!».

«Вот, зараза! Как на спине у нее глаза. Знает, что посмотрят на нее. Ух!» – усмехнулся Валера, усаживаясь на свое место, после того, как повариха скрылась за дверью. Прямо свет в окошке в противной работе. Глаз отдыхает, сердце радуется и начинает качать кровь в ускоренном ритме. И остальные части тела, тоже не остаются равнодушными к этакой красотище.

После перекура, Нина, проходя мимо охранников, сжалившись над здоровыми лбами, бессмысленно протирающими задницы, бросила на ходу:

– Эй, болезные, я там, пирогов напекла. Придите, кто-нибудь. Угощу, а то ведь похудеете, не дай бог, от такого напряжения. – Звонкий залиvistый смех вновь наполнил больничный коридор.

– Нинок, чего ж ты такая жестокая женщина? – хохотнул Леха.

Промаявшись еще минут двадцать, Валера поднялся с места.

– Пойду, схожу за пирогами, – сказал он напарнику, – присмотри тут...

Леха махнул рукой.

– Да, ладно, прямо сейчас все психи разбегутся, пока ты до столовой дойдешь, сидят и ждут, когда же ты свой пост покинешь. Иди уже, а то Нинка все пироги доктору своему любимому скормит, известно, для кого старается. Мне с мясом, – крикнул он вслед Валере, уже во всю спешащему, не столько за пирогами, сколько сменить обстановку и лишний раз полюбоваться шикарной Нинкиной фигурой.

– Ну, что? Оголодал?! На, держи. Лехе, вон, с мясом, он, сладкие не любит. А тебе, и тех и тех положила. – Подавая Валере пластиковый контейнер, объясняла Нина. Валера, глубоко вдохнув, аромат, идущий от Нинкиного гостинца, даже причмокнул губами. Вкуснота!

– Ох, Нинок! Сокровище, ты, а не женщина! И готовишь и сама такая вся... – неотрывно глядя на пышный бюст, нахально выкатывающийся из выреза белого халата, проговорил Валера. Дыхание у него участилось, пульс зашкалило. Нина сердито зыркнула на не в меру ретивого поклонника.

– Смотри, глаза-то совсем выкатываются, не соберешь потом, – насмешливо сказала она. – Ишь, уставился. Забирай пироги и топай. Ухажер нашелся.

Не в силах совладать, с охватившими его чувствами, Валера, проигнорировав слова предмета своей страсти, протянул, подрагивающие руки к возбуждающе-манящим телесам.

– Сейчас, как дам, мало не покажется! – прикрикнула Нина, замахнувшись поварешкой, на объятую страстью охранника. – Тоже мне, разошелся! У меня рука тяжелая, не сомневайся – враз вылетит отсюда, похотливый кобелина! Ой, глазки-то блестят! Иди уже!

Тяжело вздохнув, Валера взял контейнер с пирогами и поплелся к выходу из столовой. Нет в жизни счастья, ну да ладно, хоть поеда сейчас с Лехой. И то радость.

– Давай, давай, Ромео! Все одним местом думаете, – крикнула повариха, вслед незадачливому дыхателю. – Сокровище, а не женщина! – передразнила она и закатилась в очеред-

ном приступе неудержимого хохота. – Ой, не могу! Чего только не придумают, лишь бы своего добиться.

Степан Андреевич, разложил перед собой на столе истории болезни пациентов лечебницы. Предстояла процедура отбора нескольких кандидатур на повторное психиатрическое освидетельствование. Какие-то умники, там наверху, решили, что, раз пациенты проходят лечение с применением новейших методик и препаратов, то, оно непременно должно давать результат и, по крайней мере, хотя бы часть этих самых пациентов, должна излечиться. И те, кто излечился, могут вновь, став психически здоровыми, превратиться в законопослушных членов общества. Как сказал бы человек, не имеющий отношения к медицине, из сумасшедших, стать нормальными.

Шиш, вам! Сказал бы на это Степан Андреевич Любомиров, психиатр, с почти двадцатилетним опытом врачебной практики. Не станут эти люди нормальными, вменяемыми и, самое главное, не представляющими опасности для остальных граждан никогда в жизни. Пусть не совсем профессионально, зато, честно. Любомиров знал это, совершенно точно. И никто не смог бы переубедить его в обратном. Невозможно! Если мозг человека устроен так, что ему доставляет удовольствие причинять боль, видеть мучения и совершать насилие, то, хоть какие методики не применяй, какими пилюлями его не пичкай, таким он и останется. Выйдет «на волю», перестанет пить лекарства, и привет. Малейший срыв, случайный толчок, потрясение, и все. Вновь, вернется тот прежний, убийца, насильник, садист, психопат, одним словом тот кем он был до того как попал в лечебницу. Все годы лечения окажутся пустой тратой времени.

В кино часто показывают, как психолог или психиатр, гуманист, человеколюбец и «врач от бога», не жалея сил, пытается, путем постижения сути проблемы, проникновения в разум пациента, превратить какого-нибудь маньяка-убийцу в белого пушистика. Чушь! Любомиров такие фильмы считал полным бредом, предназначенным исключительно для непосвященных, легковверных. Для любителей историй о чудесных исцелениях и врачах, умеющих творить чудеса, на уровне самого господ бога. Чудовище, оно и останется чудовищем, сколько ты не старайся, и чего ты ни делай. Кто-то скажет жестоко, непрофессионально, врач должен исполнять свой долг, «сражаться» за пациента, верить в благополучный результат своего лечения. Нет, нет, и еще раз нет. Степан Андреевич категорически не был согласен с этим. В любой другой области медицины да, но не в психиатрии. Своих пациентов он рассматривал, исключительно, как подопытных кроликов, материал для научных исследований. Работая с ними, наблюдая, беседуя, он пытался разобраться в самой природе возникновения отклонений в психике. Понять, что именно приводит к появлению этих отклонений. Откуда и по какой причине у отдельных человеческих особей возникает непреодолимая тяга совершать чудовищные вещи, в качестве получения источника наслаждения и удовлетворения. Помочь им излечиться он не пытался. Те, кто уже находились в стенах данного заведения и других подобных ему, были безнадежны. Они не должны были покинуть стен своих лечебниц никогда. Они, по мнению Любомирова, были даже не больны, в общепринятом смысле этого слова. Все дело в том, что их мозг работает не так, как у большинства людей. Другое восприятие мира, другие наклонности и потребности. И, с этим ничего уже не сделаешь. Своей главной задачей психиатр считал понять, причину, почему же мозг этих представителей человечества «настроен» именно так и можно ли заранее предугадать и предотвратить возникновение подобных случаев. Искал способ «предотвращения пожара», до того момента, когда пламя уже разгорелось, что бы поглотить и уничтожить все вокруг себя.

Лет двенадцать назад, Любомирову, впервые, предложили участвовать в освидетельствовании «излечившегося». Пациент, много лет, проведенный в клинике, попал в нее за убийство двух студентов, однокурсников. За годы лечения, убийца, признанный невменяемым и отправленный в одну из психиатрических лечебниц строгого режима, превратился в удивительно спо-

койного, благообразного человека. Говорил, выступая перед комиссией, тихо, спокойно. На вопросы отвечал рассудительно, и, как решили все члены комиссии, искренне, с сожалением и раскаянием о содеянном им злодеянии. После недолгого совещания, все, единогласно пришли к мнению, что пациент, достаточно времени провел, пусть не в тюрьме, но, все же, в заключении. Человек излечился, переродился и превратился во вполне достойного члена общества. Любомиров и все остальные с уверенностью поставили свои подписи на медицинском заключении, сообщавшем, что пациент здоров и готов покинуть медучреждение и вернуться к нормальной жизни. Спустя два месяца, благообразного мужичка доставили обратно, в клинику, залитого с ног до головы кровью двух очередных жертв. Два члена общества были убиты тем, кто сам только-только вновь стал его частью, благодаря решению врачебной комиссии, допустившей роковую ошибку. Во взгляде и поведении, ни осталось ничего, от того тихонького, примерного, полного раскаяния и грусти человека. Безумие плескалось в глазах через край. Лицо, перемазанное кровью, выражало радость и торжество. Психиатр не был человеком слишком впечатлительным. За годы врачебной деятельности он чего только не посмотрелся. И на местах преступлений бывал, и ужасы сотворенные безумцами видел много раз. Но данный случай тяжело отразился на нем. Любомиров винил себя, винил остальных врачей, входивших в комиссию. Винил тех, кому пришла идея, пересмотреть решение суда. Ошибка врачей и чиновников обошлась, ни много ни мало, в две жизни. Два, ни в чем не повинных человека, не имевших к этой истории никакого отношения, были зверски убиты безумным животным, оказавшимся достаточно хитрым и изворотливым, что бы ввести в заблуждение кучу народа и вырваться из своей клетки на свободу. А сколько судеб родственников, друзей затронули эти две бессмысленные и страшные смерти? Сколько страданий тем, кто остался жить с сознанием потери, принесла допущенная ошибка?

Была даже мысль, оставить практику. Прошло какое-то время, Степан Андреевич немного отошел, успокоился. Но, раз и навсегда, сделал для себя вывод, никогда, даже мысли не допускать, что настоящий психопат может перестать быть психопатом. Не может, такова его сущность и с этим ничего не сделаешь. Хирург, допустивший ошибку, рискует потерять пациента. Ужасно, печально, но от этого никто не застрахован. Врач не господь бог. Он такой же живой человек, как и все остальные и, порой, ошибается. Но психиатр допустивший ошибку, может стать ответственным за жизнь, не одного, а множества людей. Степан Андреевич сделался противником проявления мнимого гуманизма. Выпустить на волю больного «большим» психозом, это все равно, что запустить часовой механизм бомбы замедленного действия. Рано или поздно, она обязательно рванет, и степень разрушения произведенного ей предсказать заранее нельзя.

И, вот сейчас ему вновь, необходимо предоставить на рассмотрение комиссии истории болезни тех кто, излечился и готов покинуть лечебницу. «Черт-бы побрал этих работников Министерства. Мало маньяков разгуливает на свободе, так давайте еще дополнительно выпустим парочку тех, кого удалось поймать и изолировать от общества», – сердито думал Любомиров, глядя на истории болезней, самых, на его взгляд безобидных пациентов. К сожалению, совсем уж безобидных, среди них, не было. В данном заведении не содержали тихих помешанных, которым чудятся зеленые человечки или, кто без особого вреда для других, мнит себя Наполеонами, секретными агентами и пришельцами с других планет. Тут, все больше, душегубы и злодеи, с куда более страшными фантазиями и желаниями, которые они, к тому же, имеют привычку претворять в жизнь.

Раздался стук в дверь и в кабинет заглянул Саша Шереметьев, старший санитар сегодняшней смены. Выражение лица у него было удивленное, что само по себе было странно. Работавших здесь, мало чем можно было удивить. Уже всякого насмотрелись, ко всему привыкли.

– Степан Андреевич, – обратился Саша к доктору, – тут, знаете, какое дело?

– Какое? – без особого воодушевления и интереса спросил психиатр. Кто-то из пациентов тронулся? Смешно, смешно, есть чему удивляться.

– Ваш «Интересный случай» заговорил. Целую речь толкнул. – Лицо санитаря расплылось в ухмылке. – «Говорить» и «врач», сказал. Я так понял, он встречи с Вами требует.

Любомиров оторвался от историй болезней и замер. Вот, теперь, он, действительно взглянул на бритоголового двухметрового санитаря, с явным интересом. Вот, это да! Пациент, на которого Любомиров возлагал столько надежд и столько времени бился, впустую, наконец, заговорил. Психиатр испытал, даже, некоторое волнение.

– Вот, что, – стараясь говорить спокойно, сказал он, – минут через десять, приведите его ко мне. Надеюсь, ему сегодня никаких препаратов еще не давали?

Саша покачал головой.

– Так, обхода еще не было. А он же спокойный, Вы же знаете. Так, что, ничего не давали. Трезв, как стеклышко! – хохотнул Саша.

Когда дверь за санитаром закрылась, Любомиров, в спешном порядке, начал подготовку к встрече с разговорившимся пациентом. Первым делом он убрал бумаги. Затем задернул шторы и слегка приглушил свет. Он давно уже понял, что «интересный случай», как он сам его назвал, а потом выражение приклеилось к пациенту как прозвище, не любит яркого света. Он его нервирует и раздражает.

Пациент из четырнадцатой палаты находился в клинике почти два года. По сравнению с большинством, он как раз, был вполне безобидным. Совершил одно убийство, и то, в состоянии аффекта, а не ради получения наслаждения или еще каких-то извращений, ни о каких других совершенных им злодеяниях не было известно, и Любомиров считал, что их и не было. Не тот типаж. В данном учреждении «интересный случай» оказался, не из-за самого преступления, а из-за странного, практически неменяемого поведения во время и после ареста. Вообще, все обстоятельства его дела были очень странными, и многое, а точнее почти все, так и осталось загадкой. Даже имя, как самого пациента, так и его жертвы, остаются неизвестными, и по сей день. Так, что весь персонал лечебницы, с легкой руки доктора, называл загадочного пациента «интересный случай». За все время пребывания в клинике, он не сказал ни одного слова. С другими пациентами не общался, да они и сами сторонились его, казалось, даже, что его, как будто побаивались. Даже самые агрессивные, склонные устраивать «склоки» и задирали других, старались не приближаться к загадочному обитателю 14-й палаты. С персоналом он тоже на контакт не шел. Когда кто-то обращался к нему, смотрел, как будто сквозь человека, не замечая его. Вел себя тихо, спокойно. Ни разу не сделал попытки нарушить дисциплину, проявить агрессию. В общем, примерный псих. Только очень-очень странный, даже для такого заведения, где не странных, вообще, не держат, он был страннее некуда. Во время многочисленных «бесед» с Любомировым, «интересный случай», неизменно, сидел с отрешенным видом, глядя перед собой немигающим взглядом. Степан Андреевич, был убежден, что подобное поведение пациента, не признак того, что он является умственно отсталым. Любомиров, даже не был, уверен что у странного пациента, вообще имеет место расстройство психики. Возможно, конечно, мизантропия, так как пациент абсолютно замкнут и ведет себя как настоящий отшельник, не желающий идти на контакт и подпускать к себе кого либо. Но, в остальном, доктор считал, что он вполне вменяем и прекрасно соображает и осознает все, не через призму собственного безумия, а как любой нормальный человек. Просто он не такой, как остальные. Он другой. Не в плане нарушений и отличий в работе мозга, а во всем. Отчего-то при мысли об «интересном случае», у Любомирова, каждый раз возникало, сравнение с пришельцами. Возможно, профессия накладывает отпечаток и у психиатров тоже возникают странные фантазии. В любом случае Любомиров воспринимал пациента из четырнадцатой как загадку, которую тщеславие и самолюбие психиатра поставило себе целью разгадать, во что бы то ни стало.

Естественно, Степан Андреевич не кричал на каждом углу о собственных взглядах, далеких от общепринятой медицинской этики, что больные тяжелыми формами психозов неизлечимы. Подобное заявление запросто могло поставить крест на карьере. Но, хоть он и не ставил себе невыполнимых, как он считал, задач по исцелению пациентов, он, как человек достаточно тщеславный, всегда страстно желал совершить какой-нибудь прорыв, сказать новое слово в психиатрии. Что в наше время, когда уже существует куча самых разнообразных теорий, методик и способов лечения сделать, совсем не так просто. И вот, когда появился странный пациент, не похожий ни на одного из тех, с кем до этого сталкивался психиатр, он понял, что это его шанс. Нужно только подобрать ключик. Верный подход. И, возможно, ему удастся, наконец, достичь желаемой цели. Постичь, что-то, чего не удавалось до этого ни одному другому врачу. Любомиров терпеливо шел к своей цели. Время от времени, он «приглашал» молчаливого пациента на встречи, пытаясь, разными способами, пробиться, сквозь стену отчужденности и молчания. До сегодняшнего дня, прямо скажем, безрезультатно. Но Степан Андреевич, не опускал рук. Дело, которому он посвятил свою жизнь, не терпело суеты и поспешности. Он готов был ждать. И он ждал. Как оказалось, не напрасно.

Любомиров попытался справиться с волнением. Надо же, совершенно неожиданно ему, кажется, наконец-то повезло. А может, представить комиссии историю болезни «интересного случая»? Можно даже предложить, взять пациента, на поруки, так сказать. А если все получится, можно оставить практику в психлечебнице и целиком посвятить себя научной работе. Можно даже, поселить странного молчуна у себя, в загородном доме и наблюдать за ним, исследовать особенности его поведения. Мысли были настолько соблазнительными и приятными, что Любомиров, невольно начал улыбаться. Отличные перспективы! И впрямь, было бы чудесно, если бы все так получилось!

Снова раздался стук в дверь. Врач вынырнул из мира грез и мечтаний.

– Да, прошу! – крикнул он.

В палату вошел один из санитаров. Следом появился «интересный случай», последним вошел Саша.

– Степан Андреевич. Пациент из четырнадцатой палаты, – отрапортовал Саша.

– Прошу Вас, – указывая на мягкое кожаное кресло, напротив своего стола, обратился психиатр к угрюмому высокому мужчине с длинной бородой и необычайно бледным лицом. Он нетерпеливо кивнул санитарам, мол, можете идти, дальше я сам. Саша бросил быстрый взгляд на психа, и, убедившись, что тот спокоен, никаких признаков агрессии или приближения «приступа» не наблюдается, вместе с напарником покинул кабинет психиатра.

– Доктор наш, как в лотерею выиграл. Прямо светится весь. – Ухмыльнулся Саша. – Пошли к Нинке зайдем. Может, даст чего пожрать. А то я сегодня без завтрака. – Предложил он коллеге. – Они там, на полчаса, не меньше. Тем более, такое дело, псих-то разболтался. Небось, пока доктор все секреты у него не выпросит и не отпустит, – заржал Саша. – А, ты обратил внимание, как придурок разговаривает? Может, он иностранец и по-нашему не понимает, потому все время и молчал?

– А может, он просто debil! – ответил второй, после чего, оба санитары огласили больничные коридоры мощным взрывом хохота.

– Мне сказали, что Вы хотели встретиться со мной, – мягко, чтобы пациент не занервничал и не «закрылся», вновь, в своей скорлупе, сказал Любомиров. Пациент молча смотрел на него. Взгляд у него был тяжелый, неприятный. Любомиров, каждый раз, ловил себя на мысли, что ему не уютно, под этим колючим злым взглядом темных глаз. Он предпринял еще одну попытку разговаривать, наконец, странного пациента. Улыбнувшись, он сказал: – Может, настало время представиться? Я ведь, до сих пор даже имени Вашего не знаю. Мы, с Вами, почти два года знакомы. Можно сказать, уже почти друзья-приятели, а как к Вам обращаться, не знаю.

Откроете секрет? Если хотите, это останется нашей общей тайной. Я никому не скажу. Обещаю.

Пациент продолжал сидеть молча. «Да, черт бы тебя побрал, придурок ты ненормальный. Ведь сам напросился на встречу», – мысленно вспыллил Любомиров. Даже у психиатра терпение имеет свой предел, особенно когда на кону осуществление заветной мечты.

– Ну, я не настаиваю. Не хотите, не говорите, – все так же мягко, искусно скрывая раздражение и разочарование, сказал Степан Андреевич. Нужно было попробовать, что-то другое. Сменить тактику.

– Немедрис пертиус, алафор! – сильным повелительным голосом, совершенно неожиданно, произнес «интересный случай». Любомиров замер, во все глаза, глядя на сидящего в кресле пациента. Он первый раз слышал звук его голоса. То, что пациент произнес слова на непонятном языке, возможно, выдуманном им самим, не имело сейчас особого значения. Главное, что он заговорил. Теперь, дело пойдет. Он сумеет, «раскрыть» его, найдет подход, что бы странный тип доверился ему. И тогда, все будет прекрасно! Он, наконец, совершит свой прорыв. Оставит свой след в науке. Возможно, его имя встанет в один ряд с величайшими психиатрами. От таких мыслей даже слегка закружилась голова.

Возможно, у Степана Андреевича Любомирова, в конце концов, действительно бы все получилось. И его мечта, наконец-то, исполнилась бы. Но, осуществлению честолюбивых планов, к сожалению, помешало отсутствие времени. Потому, что жить психиатру, оставалось меньше одной минуты, а этого, явно маловато для совершения прорывов и великих научных открытий.

Как зачарованный врач смотрел на лицо пациента, неуловимо преобразившееся. Человек, не произнесший за два года ни одного слова, которого весь персонал лечебницы привык считать образцовым пациентом, не склонным к припадкам и приступам буйства или к каким-либо другим явным признакам проявления заболевания, вдруг, как будто разросся, в стороны и вверх. Темные глаза, обращенные, куда-то мимо врача, в сторону стола, светились зеленоватым огнем. Лицо приобрело властное, пугающее выражение. Любомиров, с трудом оторвавшись от лица пациента, со светящимися глазами, обернулся назад, пытаясь понять, куда тот смотрит. Из стаканчика для письменных принадлежностей, стоящего на другом конце стола, что бы туда не мог дотянуться какой-нибудь ретивый, впавший в неожиданное буйство пациент, медленно поднялась в воздух изящная шариковая ручка, подаренная доктору родственницей одного из больных. Корпус ручки был сделан из титана. Тонкий металлический предмет, развернулся в сторону врача и стремительно полетел вперед, наподобие маленькой стрелы или снаряда направляющегося точно в цель. Секунду спустя, Любомиров почувствовал легкий толчок и укол в область горла. Кровь, из проделанного ручкой отверстия, разлетелась в стороны, фонтаном. Психиатр потянулся дрожащей, слабеющей рукой к шее и, закачавшись, упал на мягкий, пушистый ковер, которым был застелен пол кабинета. Длинный бежевый ворс окрасился темно красным.

Пациент поднялся из кресла и, оглянувшись на дверь, быстро подошел к лежащему на полу доктору. Странный свет в глазах угас. Пациент склонился над телом.

По дороге из столовой, Валера успел слопать пирог с капустой. Божественно. Нет, Нинок зря не ценит его искреннего обожания и восхищения. Все в этой женщине прекрасно. А готовит, просто язык проглотишь. Повезет кому-то. Она-то, дуреха, мечтает о чокнутом докторе. А он и не замечает ее, у него, одни психи на уме.

Валера вошел в помещение для охранников и поставил контейнер с пирогами рядом с напарником, предварительно взяв из него еще один – с мясом. Леха, самым бессовестным образом, наплевав на все инструкции, переписывался с кем-то по телефону. Хотя, сотовые, все работники дурдома, должны были оставлять в своих шкафчиках, при входе. Чтобы не отвле-

кали во время смены и не провоцировали чокнутых воспользоваться средствами связи с какой-нибудь своей, ненормальной целью. Не в детском саду, все же работают. Тут глаз да глаз нужен.

– Вот, главный увидит и тогда узнаешь, как инструкции нарушать, – усмехнулся Валера.

– Ой, да ладно. Его сегодня нет, – отмахнулся Леха и потянулся, не отрываясь от телефона, за пирогом. – Запах какой! Ну, Нинка, ну умеет, усладить и взор и желудок, – изрек Леха, с наслаждением откусывая большой кусок.

Валера, тоже куснул от своего пирога и уселся на место, придвигая к себе чашку с остатками кофе. Красота! Он взглянул на монитор и блаженное выражение лица мигом исчезло. Глаза вылезли из орбит, а здоровенный кусище «божественной» выпечки встал поперек горла не давая дышать. Валера сильно закашлялся и, беспорядочно замахав руками, не хуже какого-нибудь из пациентов, потянулся к кнопке тревоги.

Взвыла сирена. Защелкали автоматически запирающиеся замки. Затопали ноги. Пациенты заинтересованно начали озираться по сторонам, бросая любопытные взгляды на всполошившихся санитаров. Тех, что были в комнате отдыха, в срочном порядке, начали распихивать по палатам, раздавая направо и налево пинки и тычки, для острастки и ускорения. Вся больница пришла в движение. Воздух наполнился нервным состоянием неизвестности и готовности к неожиданным неприятностям.

– Ты чего?! – усиленно пропихивая в себя содержимое до отказа набитого рта, еле выговорил Леха. Валера только молча тыкал трясущейся рукой в экран монитора.

– Ни х... себе! – протянул Леха. Вот черт! Попали они оба, не по-детски. Ну, и доктора, конечно жалко. Неплохой мужик, хоть и с прибабахом.

У двери в кабинет, в растерянности, толпились санитары, два врача, медсестра, из процедурного, и уборщица. Валера, как во сне, протолкнулся вперед. Под ногой, что-то хрустнуло. Валера опустил глаза. По полу рассыпались осколки разбитой тарелки и румяные пироги. Только сейчас Валера заметил бледную заплаканную Нину. Она стояла, привалившись к стене и тихонько плакала, закрыв лицо руками. Пышные плечи вздрагивали. Весь вид поварихи выражал глубокое горе и скорбь. На секунду Нина отняла от лица ладони. Глаза у нее покраснели, щеки были мокрыми от обильно льющих слез. Нина тяжело вздохнула, дернувшись всем телом, и вновь уткнулась в пухлые ладошки, разразившись новой порцией рыданий. Ее любимый доктор! Ну, надо же! Она несла ему пироги. Хотела сделать приятное, поухаживать. Он же одинокий, не кому о нем позаботиться. А он... А его... Нина издала тоненькое протяжное подвывание. Горе, какое горе!

Валера отвернулся от поварихи. Впервые, за полтора года, не пробудившей в нем, никаких чувств. Он, казалось, вообще утратил способность чувствовать, что-либо. Все было, каким-то не реальным, не настоящим. Как будто он смотрит кино, а не находится сам здесь и сейчас. Валера заглянул в кабинет. На бежевом пушистом ковре лежал Степан Андреевич Любомиров. Чудаковатый психиатр, всегда забывавший расписаться в журнале «Прихода и ухода». Из горла врача торчала шариковая ручка. Почему-то на докторе не было брюк и ботинок. Этот факт возмутил впавшего в протрацию Валеру. Начала возвращаться способность соображать. «Ублюдок! Психопат чертов! Мало того, что доктора убил, так еще и поглумился над трупом!» – кипя, от возмущения, подумал Валера. Затем взгляд его остановился на распахнутом окне. Псих не мог через него сбежать из-за наличия крепкой железной решетки, как и на всех остальных окнах лечебницы. Но сейчас, вид из окна, не пересекали линии металлических прутьев, потому, что их не было. Валера хотел подойти к окну и посмотреть поближе, что бы убедиться, что это ни какой-нибудь оптический обман зрения. Санитар Саша удержал его за руку.

– Стой. Не входи туда. Это же место преступления. Полиция уже выехала.

Валера молча кивнул. Вновь посмотрел на доктора. На, вдоволь наплакавшуюся, затихшую Нину. Завтра же он подаст рапорт, хватит с него ненормальных. Если, конечно, еще сегодня его не арестуют, за то, что он нарушил инструкции, покинул свой пост и пошел за проклятыми пирогами. Пироги он больше, до конца своих дней, точно, не сможет есть. В горло не полезут.

## Глава 2. Все тайное

Терминатор дошел до пустыря, расположенного за домами недавно построенного микрорайона и сел на обломок бетонной плиты, который строители поленились или забыли убрать. Вытянув усталые ноги, он равнодушно посмотрел на торчащий из дырявого ботинка большой палец. «Сволочи!» – ни к кому, конкретно, не обращаясь, подумал он. День сегодня был крайне не удачный. С самого утра моросил мелкий, противный дождик. Дул холодный, пронизывающий ветер. На улице было по-осеннему неуютно. Даже обычные собутыльники Терминатора, видимо, предпочитали в такую погоду сидеть дома. По крайней мере, ему не посчастливилось «присоседиться» сегодня ни к одному из знакомых.

Посидев немного, он поднялся, подхватив грязный рваный пакет, в котором звякнули стеклянные бутылки и несколько сплюснутых жестяных банок – сегодняшняя добыча. Тоже не слишком-то удачная. Даже на пиво не хватит. Кряхтя, Терминатор поплелся дальше. Может, повезет и в дальнем конце пустыря, там, где собирается молодняк, найдется, хоть несколько бутылок или банок. Не «натошак» же ложиться спать.

Вообще-то, Терминатор был маленьким тщедушным мужичонкой, с пропитым лицом и дрожавшими от вечного пьянства руками, не имеющим ничего общего с легендарным киборгом, в исполнении Шварценеггера. Прозвище свое он получил за упорство и настойчивость. Если был хоть малейший шанс получить «пятьдесят грамм», Терминатор, подобно герою знаменитого блокбастера, непременно находил счастливых обладателей «беленькой» или любого другого алкогольного напитка и не отставал, пока не получал, хоть немного живительной влаги. Как-то один из местных алкашей, в шутку сказал: «Ну, ты, блин, прямо Терминатор! Везде найдешь, прямо как радар у тебя в голове. Выпивку за километр чуешь». Терминатора много раз колотили, гоняли, но грубое отношение не оказывало особого действия на жаждущего. Изо дня в день, он с неутомимостью прославленного тезки, бродил по району, в поисках компаний выпивох. И уж когда находил, все знали, что проще угостить, надоедливого пьянчужку. Все равно не отстанет и не даст спокойно насладиться процессом. Терминатор не был бездомным, с точки зрения закона. Но из квартиры, полноправным владельцем половины которой он являлся, его, несколько лет назад, выгнала сестра. Вечно пьяный, грязный родственник был выставлен за дверь, что называется в том, в чем есть. Сожитель сестры, молодой, широкоплечий грузин, ясно обрисовал перспективу возвращения Терминатора в квартиру, сопроводив объяснения красноречивым жестом. Он провел ребром здоровенной ручищи по горлу, и Терминатор понял – назад дороги нет. Зарежет, глазом не моргнет. Ну и ладно! Ему, собственно, все равно где пить. Зимой было плохо. Холодно. Народу мало. Местные алкоголики тоже на улице не собираются. Но, как-то, худо-бедно, он уже пережил три зимы. А сейчас лето. Хорошо. Только, вот, дождь некстати зарядил. «Сволочи!» – вновь мысленно обозвал Терминатор, сам не зная кого и подняв, валявшуюся под ногами палку, начал ворошить, попадавшиеся на пути кучки мусора и ветки кустов, в поисках бутылок и банок. Неожиданно, сверкнула молния. Да так близко. Терминатор с неодобрением покосился на затянутое тучами вечернее небо. Еще только грозы не хватало. Этак и правда сегодня «на сухую» спать придется ложиться. Сейчас, как ливанет, даже бутылок не соберешь. «Сволочи!» Потрепанная, грязная фигурка, убыстрила шаг и решительно двинулась вперед.

Еще одна вспышка молнии озарила землю и высветила прямо перед Терминатором пачку сигарет и зажигалку, валявшиеся рядом с тропинкой. Вот так удача! Трясущаяся рука сгребла, найденные сокровища. Пачка была почти полной. Бывает же, что везет. Не выпивка, конечно, но все же. Предмет роскоши, можно сказать. Терминатор довольно ощерился беззубым ртом. Достав заскорузлыми, плохо гнущимися пальцами сигарету, он щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся. Красота. Сигареты дорогие, не какая-нибудь Ява или Космос. Какие-то

иностранные. Терминатор поднес пачку к носу и понюхал. Пахло хорошим табаком. В затуманенном сознании, на миг, всплыло какое-то неясное, почти совсем позабытое, воспоминание из прошлого. Воспоминание о жизни, не на улице, не в грязных, вонючих подъездах или подвалах, с текущими трубами и шныряющими, тут и там, крысами. Что-то такое было когда-то. Терминатору показалось, что вот-вот он вспомнит, что именно и как это было. Но, мозг, отключился так же быстро, как подкинул неожиданное воспоминание. Забыв, о чем думал секунду назад, Терминатор сунул ценную находку в карман драной куртки и зашагал дальше.

Пройдя еще несколько десятков метров, нос Терминатора уловил волшебный запах. Вообще-то, за долгие годы пьянства, он стал не восприимчив к запахам. Даже самая страшная вонь не вызывала у него отвращения, потому, что он попросту ее не чувствовал. Но тот аромат, который донес до него порыв ветра, он почувствовал и распознал сразу. Пахло спиртным. И не каким-нибудь, а коньяком. Терминатор прибавил шаг. Впереди него возвышался «штабель» больших бетонных плит. Именно оттуда шел дивный запах. Кто бы там не распивал этот самый коньяк, а Терминатор, получит свои пятьдесят грамм.

Обойдя плиты, Терминатор застыл в ужасе. На земле, прямо у его ног, лежала бутылка. Открытая и пустая. Судя по тому, как сильно пахло благородным напитком, содержимое бутылки, просто вылилось на землю. Терминатор застонал и опустился на колени. В бутылке было несколько капель. Запрокинув ее высоко вверх, выпивошка, несколько раз встряхнул ее над раскрытым ртом. Язык приятно обожгло, но и только. «Сволочи!!!» – погрозил Терминатор в пространство. Это ж надо, такое святотатство устроить. Бутылку коньяка на землю вылить. К глазам подступили слезы.

Немного успокоившись, незадачливый алкаш огляделся по сторонам. Только сейчас он заметил, что возле бетонных плит, сидит, привалившись к ним спиной, местный бандюган Грач. Терминатор, даже немного успокоился. Этот бы точно не угостил его коньяком, так, что и бог с ним, что он вылился. Присмотревшись внимательнее, Терминатор догадался, что Грач спит. Может это была не первая бутылка. Так напился, что эту уронил, а потом и вовсе вырубился.

«А вдруг, у него еще...» – как всегда, не осилив мысль до конца, подумал Терминатор. Конечно, был риск, что Грач проснется и тогда ему несдобровать. Но выпить хотелось страшно. Терминатор медленно стал приближаться к спящему. Грач, видимо, и впрямь был очень сильно пьян. Он ни проснулся, даже когда Терминатор нечаянно зацепился, за торчавшую из земли арматуру и уронил свой пакет с «добычей» со звоном и грохотом. Терминатор замер, ни жив, ни мертв. Но Грач продолжал мирно спать. Бутылки рядом с ним не было. Но, тут, Терминатору пришла в голову очень рискованная, но сулящая сказочные блага, мысль. Раз бандит так надрался, то почему бы не рискнуть и не обшмонать его. Терминатор знал, что Грач всегда при деньгах. По меркам бездомного пьянчужки, при очень больших деньгах. Это же потом недели две можно будет пить, а может и больше. Терминатор размечтался о прекрасных перспективах на будущее и осторожно сделал еще несколько шагов к спящему. На всякий случай, он тихонько позвал: «Эй! Грач!». Если бандит проснется, можно сказать, что он хотел его разбудить, что бы, мол, не спал под дождем, а то еще, простудится. Заботу проявить хотел. Шанс получить возможность купить много выпивки, заставил начать работать мозги Терминатора, на удивление четко. Грач не просыпался и Терминатор, очень осторожно протянул руку к карману кожаной куртки. Он оказался пуст. Терминатор потянулся к другому карману. Пальцы уже нащупали, что-то прямоугольное и приятное на ощупь. Кожаный бумажник. В этот миг, Терминатор, продолжавший умирать от страха и одновременно от желания выпить, испуганно покосился на лицо бандита. Вдруг он проснулся и наблюдает, а как только Терминатор потянет бумажник, так раз и все...

Что все, Терминатор ни додумать, ни представить не успел. Потому, что Грач не проснулся и не наблюдал за ним. Ему не суждено было проснуться уже никогда. Из уха у него

торчала рукоять его собственного ножа-выкидушки. Терминатор дернулся назад и заорал. Он за, что то зацепился ногой и завалился. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он, прямо на четвереньках, подвывая и поскуливая, пополз прочь от страшного мертвеца. Он даже не подозревал, что ему повезло не увидеть всех страшных подробностей, того что случилось с отморзком и беспредельщиком Грачом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.